

Взгляд в двух измерениях: возможности и вектор корейско-российской гуманитарной дипломатии

Ким Су-Хван (Университет иностранных языков Хангук)

1. Гуманитарное понимание: схожести и различия

Мне представилась возможность участия на столь важном мероприятии, в обсуждении нынешнего состояния и будущего корейско-российской гуманитарной дипломатии, однако подробное и глубокое рассмотрение, а также конкретные политические предложения выходят за рамки моих возможностей. Но как человеку, интересующемуся и занимающемуся исследованиями русской культуры, хотелось бы написать немного о гуманитарном мышлении России, свойственным особенностям, и какой посыл мы можем увидеть в этом сегодня.

Термин «гуманитарная дипломатия» заставляет в первую очередь задуматься о его дискриминационном значении. Какие же есть отличия от политической, экономической или культурной дипломатии? Самый простой приходящий на ум ответ: по сравнению с политической или экономической дипломатией целью гуманитарной дипломатии является не выгода только для своего государства, а взаимные/взаимовыгодные отношения, заинтересованность не в краткосрочной перспективе, а в создании основы на длительный период, стремление не к особым национальным ценностям, а к универсальным ценностям всего человечества и т.д. Однако, вероятно, что понять особенности взаимопонимания и общения для реализации отношений намного сложнее, чем такое простое определение. К примеру, хорошо ли мы знакомы с особым характером «гуманитарного» понимания?

Есть много перспектив для гуманитарного понимания, но хотелось бы отметить два фактора. Первое, «духовная» сторона гуманитарного понимания. Как видно из понятия гуманитарной сферы, составляющими которой являются «литература, история и философия», гуманитарная сфера включает в себя искусство, представленное литературой, а также историю и философию. Зачастую при упоминании «культурного» понимания или контактов подразумевается конкретный образ жизни данного культурного пространства или достижения сферы искусства. Даже если рассмотреть формат корейско-российских контактов (дипломатии), то содержанием является представление противоположной стороне и распространение выдающихся достижений

классического искусства или современной массовой культуры. По сравнению с этим, представляется, что гуманитарная сфера какого-либо государства или нации демонстрирует более глубокие духовные стороны, являющиеся основой достижений культуры и искусства. Это ближе к лежащему в основе данной культуры подсознательному уровню, групповой структуре мышления (что часто называют менталитетом - *mentalité*), в котором содержится особый исторический опыт и возникающая из него философская точка зрения. Это можно назвать «духовными корнями» лежащими в основе «самосознания» и «мировоззрения» коллективного мышления государства или народа. Такие взаимные контакты на уровне «духовных корней» намного сложнее и глубже по сравнению с обменов «листьев и плодов дерева», поэтому уверен, что эффект и влияние таких связей будет огромным.

Далее, хотелось бы отметить второе, «универсальную» сторону гуманитарного понимания. Гуманитарное понимание – это проявление интереса к особенностям самосознания и мировоззрения противоположной стороны, но в то же время это стремление рассмотреть такие особенности в разрезе течения и структуры всемирной истории. В гуманитарном понимании обязательным является обширная точка зрения, охватывающая особенности не просто как исключение, а отдельный случай универсальности, возможности пересмотра «я» и «ты» на «мы». Такая существующая сторона универсальности необходима для того, чтобы, прежде всего, субъекты контактов могли определять «схожести» и «различия» друг друга. Понимание, что является одинаковым, а что разным, до какого момента действует общая база, а с какого – начинаются различия, является базовой предпосылкой для диалога. Ю. М. Лотман отметил, что «без различия диалог бессмыслен, а при абсолютном различии он невозможен». С уверенностью можно утверждать, что гуманитарное понимание на основе универсальности – это создание основы для того, чтобы прийти к настоящему диалогу.

Согласно герменевтику Ганс-Георг Гадамеру «понимать» - это не просто вставать на место другого, признавать отличия другого. «Перенесение-себя (ставить себя на место другого человека) не есть ни вчувствование одной индивидуальности в другую, ни приложение к другому наших собственных масштабов — оно всегда означает достижение более высокой общности, преодолевающей не только нашу собственную партикулярность, но и партикулярность другого» («Истина и метод», 1960 г.).

В результате для гуманитарного диалога необходим «взгляд в двух измерениях»: во-первых, взгляд, которым можно одновременно определить схожести и различия между мной и собеседником, и более того, необходимо расширение горизонтов, что позволит сделать сравнение на более широком универсальном уровне. Безусловно, что в коротком докладе невозможно представить решающий ответ на такие вопросы, но выражаю надежду, что это будет отправной точкой для определения реальных возможностей и направления векторов.

2. Модернизация по-русски: вопрос характерных особенностей

Как хорошо известно, самым важным в формировании русской идентичности является столетний период с направленных к Западу реформ Петра I до середины XIX в. (с 1815 по вторую половину 1820-х годов). Примерно в этот период произошло два ключевых события, ставших легендой нации, что способствовало дальнейшему формированию российского самосознания и мировоззрения.

Первое, самая идеальная военная победа. То есть Отечественная война (1812-1815) - «борьба с наставником» - была решающим событием, которое позволило России внезапно осознать свою силу и влияние, освободившись от длившихся более столетия связей культурной зависимости. Однако в то же время это позволило ощутить ужасный «застой», а также удушающую «закрытость». Находившиеся в Париже солдаты победившего государства - «дети 1812 г.» - выразили чувства словами «Россия отстала более чем на 100 лет». Гордость, что удалось подавить наставника, а также осознание существовавшего разрыва, эти неоднозначные чувства привели Россию к четкому пониманию, что «дальше невозможно жить как прежде».

Второе событие - рождение самого идеального поэта. Именно в этот период русский народ увидел появление великого писателя, которому соответствует звание народного поэта, это был самый важный шаг России по направлению к новому будущему. Как можно увидеть в высказывании А. Григорьева «Пушкин – наше все», русская литература нового периода истории, представитель которой является А.С. Пушкин, с XIX в. сформировала общественный образ русской культуры. Литературный критик В. Белинский определил Россию как «читающую» нацию, по его словам, «только тот, кто любит и понимает русскую литературу, может быть русским».

Другими словами, здесь «фактор, определяющий нацию, не род и не сословие, а умение читать».

Одновременно победа в «войне» и рождение «литературы», это особенность, свойственная только России? Не совсем. Подобные примеры нередко можно найти во всемирной истории. Например, взаимный условный аспект войны и литературы нового времени можно увидеть и на примере Японии. Нацумэ Сосэки, которого называют «отцом национальной литературы» Японии, вернулся после учебы в Англии, а на следующий год разразилась русско-японская война. До того времени писатель не отличался какими-либо яркими работами, но после того, как Японии удалось побить российскую державу, он выразил надежду и уверенность, что и в литературе должно появиться нечто великое. Произведения, получающие высокую оценку в японской национальной литературе, вышли в свет именно в этот послевоенный период.

Несколько лет назад один из корейских критиков на основе таких исторических фактов сделал предположение, что «национальная литература – это послевоенная литература», его необычным высказыванием является, что в не испытавшей победу в войне нового периода, другими словами империалистской войне «Корея не существует литературы нового периода как таковой» (Ёнг-Иль Чжо «Структура мировой литературы»). Но если и не соглашаться со столь резким высказыванием, есть факт, который вполне возможно признать. Вероятно, война и литература не имеют характера одновременного возникновения в универсальном смысле, но это может быть общей особенностью для так называемых «запоздалых новых государств», которые позже чем другие примкнули к группе новых государств (империй). Россия же выступает в качестве первого примера, четко демонстрируя отличительные черты.

Многие критики, говоря об «осознании отсталости» в культуре России нового периода, также отмечают быструю «скорость» процесса развития. Оценка «то, на что там понадобилось более 200 лет, здесь свершилось всего за 50», а также необходимость «догнать и перегнать» демонстрируют неизменную ностальгию русского менталитета, начиная с периода Петра I, во времена Сталина и до современности. После России такой менталитет с определенными изменениями типа и характера формировался в странах, позже вставших на путь модернизации, и известно, что результатом стали как «достижения», так и «побочные эффекты».

По моему мнению, правильное восприятие такого «отличительного характера» и «заразительности» (Маршал Берман назвал это «петербургской простудой»)

российской современности является важным условием для продвижения корейско-российских гуманитарных контактов. Прежде всего, это поможет преодолеть «разобщенный» характер в общем поверхностном восприятии России корейским обществом. Например, говоря об основных брендах русского искусства Толстой или Чайковский, обычные представители корейского общества не обращают внимания на «отличия» от произведений западных стран, Англии или Франции. Произведения, которые признаны «классикой», прекрасны, все готовы ими восхищаться даже с затертой надписью «Россия». Но если выйти за рамки культуры и искусства и заговорить о политике или экономике, ситуация изменяется в направлении с точностью наоборот. В таком случае, из-за влияния идеологии «холодной войны» Россия представляется вражеским государством, с которым запрещены контакты, или ослабшей державой в упадке на уровне «третьего мира» в результате переходного периода (вероятно к этому можно добавить и поверхностный имидж Корея – «Страна Самсунга и LG» и Россия – «страна нефти и газа»).

Нельзя забывать, а нужно четко «осознавать» тот факт, что Россия при объективном суждении не относится к Западу, при сильном влиянии Другого, т.е. Запада, это была страна, вынужденная стоять «в первых рядах» среди не западных государств в формировании собственной идентичности. Это является необходимой предпосылкой для более тщательного поиска «различий» между Кореей и Россией, другими словами, первый шаг для определения «схожести». И только при наличии такого фундамента «схожестей» можно будет четко определить, каким методом установить связи (сплоченность), чему научиться через опыт друг друга. Лучше будет сказать не «мы выражаем восхищение вашему наследию в сфере искусства», а «мы тоже идем по вашему пути превращения заимствования и влияния в созидание, хотели бы научиться и извлечь для себя урок у вас, как первопроходца». Такое определение вектора очень важно для нынешней корейской культуры, которая на протяжении нескольких столетий была в состоянии одностороннего «адресата» западной культуры, и только в последнее время очень быстро занимает место «отправителя» с четкой ответной реакцией на сильное внешнее влияние является тень «преувеличенной» гордости (национализма), как когда-то в России.

С одной стороны, естественно возникает вопрос, как же за такой короткий срок Россия перешла от «адресата» культурного влияния к «отправителю» культуры, направленной ко всему миру (включая первоначального распространителя – Запад).

Для определения более подробного процесса и аспектов необходимо тщательное рассмотрение на примере облика и сердца русской культуры нового периода - «русской литературы».

3. Русская литература нового времени: радикальная принципиальность

Мировой писатель русского происхождения В. Набоков так писал о русской литературе нового времени: «Вы не найдете русского Гете, Сервантеса, Данте, Шекспира. Русская литература не имеет какой-либо традиции, это результат внезапного всплеска («Лекции по русской литературе»). Выражение нет русского Гете, Сервантеса, Данте, Шекспира здесь говорит о внезапном и запоздалом взрыве в русской литературе нового времени. Россия, которая из-за монгольского ига не прошла эпоху Возрождения, испытала Возрождение с именем Пушкина, как сказал А. Герцен: «Россия на реформы Петра ответила явлением Пушкина».

Ставить одного писателя в тот же ряд с новой цивилизацией является характерным для России явлением. Как было упомянуто выше для России, то есть «читающей нации», литература всегда имела значение больше чем просто литература, она выполняла функцию, заменяющую другие недостаточно развитые механизмы общества (законодательные, социальные, системные). А отношения литературы и власти, символом которых является противостояние А.С. Пушкина и Николая I, это не просто процесс подавления и противостояния, это очень сложный и тонкий вопрос. Согласно американскому исследователю С. Бойму, «писатели в России - это всегда неофициальная власть, считались так называемым «вторым правительством», а с другой стороны, сами же правители (начиная с Екатерины и до Ленина) пытались сделать репрезентацию самих себя как литераторов». Ленин был литературным критиком, Сталин - лингвистом, Хрущев - критиком современного искусства, а Брежнев - автором трех романов. В Корее приглашение на обед деятелей гуманитарных наук после назначения в должность нового президента в его дворец является редким событием, а в России то, что В. Путин перед принятием важного решения посетил дом знаменитого писателя А. Солженицына и провел там беседу, не удивительное, а вполне естественное явление (конечно вопрос искренности президента здесь не обсуждается, а рассматривается то, насколько естественно воспринимаются россиянами такие методы и эффекты).

Когда-то президент Республики Корея Ким Дэ Джун во время своего выступления в МГУ сказал: «в период долгого заключения я познакомился с классикой русской литературы Толстым, Достоевским, Тургеневым, а также произведениями Солженицына и Сахарова, то влияние, которое на меня это оказало, невозможно измерить, ради знакомства с русской литературой стоит отбыть срок в заключении», чем вызвал активную поддержку публики. Конечно, это может показаться обычной реакцией на проявление уважения по отношению к литературе другой страны, но могу предположить, что столь «естественное» сочетание «заключения» и «русской литературы» привело именно к такому результату.

Однако, выйдя за общепринятые рамки литературы в качестве инструмента социального обвинения и противостояния вопрос об особом содержании русской литературы нового времени все еще актуален. Как можно увидеть из процесса литературного роста Пушкина, отправной точкой русской литературы было "застенчивое подражание", позже был подъем до «зрелого мастера». Не прошло и пятидесяти лет после появления А.С. Пушкина, как Россия подарила миру личностей международного масштаба и медийных звезд (Толстой), которые распространяли не только литературу, а также образ жизни и философию. Нет сомнения в том, что русская литература вернула сильный и влиятельный посыл Западу, который когда-то был источником и отправителем информации, это было настолько значимым, что заставило тот же самый Запад задаться вопросом о своем собственном культурном наследии. С одной стороны, очень знакомое, с другой стороны эта "незнакомая" черта нового русского образа сначала поставила Запад в замешательство, но тут же привела к восхищению. Каков же секрет столь сильной обратной реакции, процесса перемен, который можно определить только «усилением»?

Как принято отмечать, сильное влечение при знакомстве с русской литературой связано с «радикальным духом экспериментаторства», который сопровождает разные периоды истории России. Одним из общих правил при заимствовании и введении посторонней культуры, как это можно увидеть из примера России, это отношение «принципиальности» при принятии идеологии. Как известно, немецкий идеализм получил развитие до программы реальных общественных реформ именно в России. Именно здесь идеология Маркса привела к революции, а знаменитое своей резкостью авангардистское направление искусства применяется в экспериментальной форме, как доктрина построения реальности. В качестве интеллектуальной гипотезы, можно

предположить, что когда идеология попадает в Россию, она для интерпретации мира помещается в интеллектуальные рамки, в соответствии с чем разрабатывается реальное руководство, позволяющее изменить реальность, и таких примеров можно найти множество.

Принципиальное отношение с попыткой уйти от расплывчатого промежуточного пункта, как известно, было определено Ю. Лотманом термином «двойная модель». Двойная модель, где неизвестен промежуточный пункт (чистилище), как «нейтральная зона ценностей», поэтому развитие истории является не постоянным продолжением, а радикальной сменой, стала одним из самых влиятельных форм для объяснения культуры России. Конкретное страдание, которое должно сопровождать экспериментаторский образ жизни с такими радикальными тенденциями принципиальности, вместе с оставшимися постоянными рубцами в истории России, при применении этого в сфере искусства формируется абсолютная привлекательность, что тоже является неоспоримым фактом. Настойчиво отрицающая третий пункт, как результат компромисса и уступок, позиция России превратила русскую литературу в стимулирующий фактор с «сильным заражающим эффектом», которому сложно сделать подражание на Западе.

Однако здесь снова необходим гуманитарный подход для рассмотрения особенностей в универсальном ключе. К примеру, можно задать такой вопрос: является ли такое поведение принципиальности в культуре России исключительным и свойственной ей одной. Согласно японскому критику Каратани Кодзину, автору книги «Корни японского духа», островное государство Япония при перенимании культуры и идеологии извне не испытывало какого-либо «давления» или «огромной силы». Принималось все, этому находилось практическое применение, без особого противостояния происходило гибкое впитывание, интересно то, что К. Кодзин определяет причину этого в «Чосон» (страна, располагавшаяся между Китаем и Японией, *название корейского государства в период 1392-1910 гг.).

Факт отсутствия давления на принципы и систему Японии с другой стороны говорит о том, что Чосон был так называемым щитом при сильном системном давлении. В случае Чосона, который был расположен возле Китая и был объектом частых нападений мигрирующих народностей, «самовосприятие (self)» неизбежно укреплялось. Безусловно, что Кодзин в этом случае не говорит о преимуществе Японии или Кореи. Принимавшая без давления Япония не сформировала

«самовосприятия» (вопрос т.н. «самовосприятие (selfness) без самосознания» является часто обсуждаемым в японской культурологии), формирование самовосприятия впоследствии сильного давления сопровождается с особой «радикальностью». По словам критика, «в Чосон под сильным политическим и культурным давлением Китая были более принципиальные и системные по сравнению с тем же Китаем тенденции».

Еще раз акцент хотелось бы сделать на то, что подобные исторические условия не обязательно приводят к одинаковому результату. Но работа по определению схожестей и различий, а также тщательный анализ результата является новым уровнем культурных контактов общепринятого формата. Работа по совместному рассмотрению схожестей и различий между «мною» и «другим» через «взгляд в двух измерениях», нахождение самого себя в облике «другого», а также умение делать это объектом критического анализа и является по-настоящему гуманитарным пониманием.

4. Гуманитарная дипломатия как «диалогическое» согласие

В результате, отправной точкой гуманитарного понимания должен быть отказ от «поверхностного обобщения». В качестве примера можно привести такое расплывчатое и посредственное обобщение, как «Корея и Россия считают более важными чувства, нежели разум, а в отношении к природе и жизни общие чувства тоски и глубокой душевной раны». Работа рассмотрения «духовных корней» не может быть настолько простой. Это полностью отличается от восхищения, когда смотришь на листья и плоды над землей. Это работа, когда вместо вопроса «что это собой представляет» поднимается проблема «что сделало это именно таким». Не «эссенциалистское (essentialistic) определение» о другом, а проявление интереса к «историческим условиям», приведшим к этой сущности, а также повторное рассмотрение в течении и структуре «всемирной истории», это и есть, как мне представляется, метод гуманитарного понимания. Философ диалога М. Бахтин когда-то отметил, что именно «согласие» является поистине диалогическими отношениями. Согласно М. Бахтину, согласие с каким-либо аргументом означает, что это уже было «испробовано», поэтому исключается вероятность безусловной преданности, это означает сопоставление со своими рамками. Для искреннего согласия с чем-либо необходим процесс апробации, впитывания, повторного акцентирования, то есть участия в диалоге. А диалог не просто поверхностное обобщение, а динамичный

процесс столкновения и смешения контекста «моего» и «другого». Выражается надежда, что начинающаяся новая корейско-российская гуманитарная дипломатия в этом смысле будет процессом «диалогического» согласия.